

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В данной статье анализируется такая категория социальной философии, как идентичность. Показано, что в каждом социокультурном целом существует не только система разного рода идентичностей, но также и иерархия их внутри этой системы. Указанная иерархия или, по крайней мере, отдельные ее составляющие обладают ценностной атрибутикой. Дан сравнительный анализ этнокультурной идентичности и этнической идентификации.

Ключевые слова: идентичность, тождество и различие, национальная культура, этническая идентичность, идентификация.

Различные аспекты проблемы идентичности в западной философии, социологии, политологии и в некоторых других дисциплинах обсуждаются уже не одно десятилетие. Обсуждаются они и в постсоветской философии. Однако в вопросе о том, что такое идентичность, в чем состоит ее сущность, единой позиции в литературе, увы, не существует. Для русскоязычного сознания своеобразным препятствием на пути к концептуальному пониманию феномена идеентичности было, да во многом и остается, то, что термины *identity* (англ.), *Identität* (нем.) всегда переводились на русский язык термином «тождество». Это буквальный перевод, так как в европейских языках у этих слов имеется один и тот же корень – лат. *idem*, означающее «тот же самый». В латинском языке есть также слово *identitas* – «тождественность». (Между прочим, еще в 30-е гг. прошлого, т. е. XX, столетия употреблялось слово «*тожество*», без буквы «д», которая тут и в самом деле является излишней.) На это в свое время обратил внимание известный философ В. С. Малахов. В 1998 г. он писал: «Поскольку в отечественной культурной традиции “идентичность” передавалась обычно как “тождество”, русскому уху не слышно то, что в романо-германском ареале воспринимаются как естественное. Мы, например, не слышим, что в работе Хайдеггера “Идентичность и дифференция” разрабатывается то же самое понятие, какое развивал в своей

“Философии тождества” Шеллинг. Мы не привыкли связывать критику “мышления тождества” у Адорно и Хоркхаймера и проблематику “идентичности” в социологической и социально-философской литературе 70–80-х годов. Между тем во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же термином» [Малахов, 1998. С. 43].

Однако, как известно, термин – не то же самое, что и понятие или категория. Термин – это слово, в котором фиксируется понятие или категория, это – слышимая или зримая их «оболочка». Термины заимствуются из родного естественного языка или из языков иностранных, чаще всего из так называемых «мертвых». Если он берется из родного языка, то ему придается значение, не имеющее ничего общего, кроме, возможно, ассоциаций с теми значениями, которые оно имеет в обиходном или литературном языке. И это новое значение строго закрепляется внутри дисциплины или теории за данным термином. Например, термин «надстройка» в марксистской философии означает совсем не то же, что понимается под соответствующим словом в обиходном языке. М. М. Бахтин отмечает: «В термине, да же и не иноязычном, происходит стабилизация значений, ослабление метафорической силы, утрачивается многосмысленность и игра значениями. Предельная однотонность термина» [Бахтин, 1996. С. 79]. Наука, философия или иные специализированные области культуры (медицина, тех-

ника и т. д.) стремятся избегать терминологической синонимии, поскольку она способна вносить путаницу.

В случае же с термином «идентичность» видно, что семантическое значение его полностью совпадает с термином «тождество». Однако специальный смысл их, как мы стараемся показать, не совпадает, что и оправдывает введение термина и соответственно – категории «идентичность». Для того чтобы установить оправданность его введения, обратим внимание на то, какая логика лежит в основании категорий «тождество» и «идентичность».

Г. В. Ф. Гегель различает абстрактное, или формальное, истолкование тождества и различия и их истолкование конкретное. Рассудок, согласно ему, знает либо тождество, либо различие, считая их самостоятельными и несовместимыми категориями. На абстрактном понимании тождества базируется один из законов формальной логики, восходящей к Аристотелю. Этот закон выражен «в положении: *Все равно самому себе; $A = A$. Или отрицательно: A не может быть в одно и то же время A и не A* » [Гегель, 1974. С. 271]. Гегель противопоставляет абстрактному тождеству конкретное тождество, т. е. такое, которое в качестве *своего* момента содержит различие. «Очень важно, – пишет он, – должным образом понять истинное значение тождества, а для этого прежде всего нужно, чтобы оно понималось не только как абстрактное тождество, т. е. не как тождество, исключающее различие» [Гегель, 1970. С. 131]. Следовательно, и конкретное, т. е. *диалектическое* понимание различия не должно исключать тождество. Гегелевская и продолжающая ее марксистская диалектика утверждает, говоря словами самого же Гегеля, «понятие тождества тождества и нетождества». В диалектике имеется в виду тождество *противоположностей*. Так, в упомянутом В. С. Малаховым сочинении Ф. В. Й. Шеллинга «Философия тождества» речь идет об онтологическом тождестве субъекта и объекта. Такое тождество называется *конкретным*. И лишь в формальной логике под тождеством понимается *абстрактное* тождество: $A = A$.

Формальная логика, просуществовавшая две тысячи лет неизменной (в чем, как известно, И. Кант видел ее достоинство и истинность), в XX в. получила развитие, приняв форму математической, или симво-

лической, логики. Однако основные законы формальной логики (закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего, введенный Г. В. Лейбницем) в ней остались незабываемыми. К примеру, М. М. Новосёлов дает следующее определение тождества с позиций математической логики: «С точки зрения логики, тождество – это индивидуальный предикат, изображаемый формулой $x = y$, которому соответствует логическая функция, истинная, когда переменные x и y обозначают различные вхождения “одного и того же объекта”, и ложная в противном случае» [Новосёлов, 1978. С. 188–189]. Разумеется, М. М. Новосёлов признает существование различия. Но понимает он его отнюдь не в духе диалектики. И в этом дают возможность убедиться следующие его слова: «То, что отношение тождества в определенном смысле не исключает, а напротив, предполагает отношение различия, замечено давно. Но релятивистский подход, утверждающий относительность тождества, чреват внутренней противоречивостью, несогласованностью с логическим пониманием предиката тождества, с его аксиоматикой. Всегда остается дилемма: тождественны или различны? Естественный смысл понятий “тождество” и “различие”, практика их употребления, исключают их одновременную выполнимость» [Новосёлов, 1978. С. 189]. В этом высказывании в концентрированной форме выражена вся позиция М. М. Новосёлова и той формы логики, которую он отстаивает в цитированной работе. Однако тезис о том, что тождество и различие *абсолютно* взаимно исключают друг друга, имеет своим источником и основанием узко-обиходный опыт и здравый смысл, рассудок, а отнюдь не разум, который не только преодолевает ограниченность рассудка и здравого смысла, но и обыденный опыт. Разум диалектичен, ибо основывается на объективной диалектичности действительности.

Если бросить обобщающий взгляд на историю западно-европейской философии, то в решении проблемы тождества и его соотношения с различием можно выделить *три* основные позиции. *Первая* – это позиция абсолютизации тождества и отграничение его от различия. Тождество и различие, согласно ей, несовместимы и взаимоисключающи: *или* тождество, *или* различие;

третьего не дано. Данная позиция, впервые представленная в философии Парменида, нашла наиболее полное выражение в формальной логике, а в современных условиях нашла реализацию в математической логике. *Вторая* позиция – прямо противоположная: она столь же противопоставляет друг другу тождество и различие, но при этом абсолютизирует различие. Данная позиция представлена, например, в философии Г. В. Лейбница. В современных условиях она нашла выражение в так называемой негативной диалектике Т. В. Адорно и в философии постмодернизма (особенно в работах Ж. Деррида). *Третья* позиция – это позиция диалектики, согласно которой тождество и различие суть взаимопроникающие противоположности. Эта позиция восходит к Гераклиту (если ограничиться западной традицией), но наиболее полно она представлена в философии Гегеля, а также в марксистской философии.

Анализ трех основных позиций в истолковании соотношения тождества и различия приводит к выводу, что первая и вторая из отмеченных позиций не могут быть признаны удовлетворительными. Удовлетворительной следует считать лишь третью, т. е. диалектическую, или диалектико-логическую, позицию. Только она дает возможность конкретного подхода к анализу действительных, объективных моментов тождества и различия. Отсюда следует вывод, что замена термина «тождество» термином «идентичность» не избавляет исследователей от необходимости делать выбор между тремя охарактеризованными выше позициями. Но дело, как мы отметили выше, не в терминах. Дело в том, что понятие идентичности принимается теми исследователями, которые его ввели и которые им оперируют, – сознательно или нет – трактуется ими в духе формальной логики, т. е. как *абстрактное тождество*: $A = A$. В понятии идентичности имеет место абстрагирование от момента различия и тем самым – абсолютизация момента тождества. Но понятие идентичности не абстрагируется от различия. Оно предполагает различие. Однако различие оказывается, так сказать, вынесенным во вне: идентичность данного феномена устанавливается через различие, через его отличие от другого феномена. Следовательно, если в основании категории «тождество» лежит *диалектическая* логика,

то в основании категории «идентичность» – логика *формальная*.

Каковы же особенности феномена идентичности, понимаемой в социально-философском и т. п. смысле? В. С. Малахов пишет: «Идентичность есть не свойство (т. е. нечто присущее индивиду изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия» [Малахов, 2001. С. 78]. По поводу того, дана или же не дана индивиду изначально его идентичность, можно сказать следующее. Одни формы идентичности действительно меняются, трансформируются, утрачиваются и т. д. Это к ним применимы слова С. Хантингтона: «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкторы. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [Хантингтон, 2004. С. 50]. И то нельзя утверждать, что конструирование это всецело исходит от индивидов. Данного рода идентичности связаны с существованием в социуме социальных, профессиональных и иных ролей, статусов и тому подобных градаций, которые индивиды застают уже имеющимися, и потому конструируют свои идентичности в соответствии с этими ролями, статусами и т. д. Но существуют и такие идентичности, которые даны человеку изначально, т. е. фактом его появления на свет и существования. Для аргументации можно в качестве примера взять историческое время. Человек рождается внутри определенной культуры, находящейся на определенной стадии развития. Скажем, во Франции в эпоху Просвещения или в казахской Степи XVI в. Кем бы он ни был по своему сословию, уровню образованности и т. д., он не может объективно идентифицировать себя, например, с менеджером какой-либо фирмы или с воином армады Чингисхана. Разве что только в игре или же если данный индивидуум – актер, играющий соответствующую роль. И то он может играть лишь то, что есть или же было в прошлом. Но можно привести и, так сказать, пространственный пример (в смысле социокультурного пространства). В индийском кастовом устройстве общества шудра не может обладать идентичностью вайшьи, и наоборот.

Категория идентичности, отмечает В. С. Малахов, выражает не свойство, а отношение. Это верно (правда, свойства выявляются и даже формируются в отношениях). Идентичность обнаруживает себя в процессах ее установления, т. е. в процессах *идентификации*. Эти процессы осуществляются только индивидами, а не общностями, группами или обществом в целом. В. С. Малахов прав, когда пишет: «*Общество*, в отличие от личности, *не имеет качества субъективности*» [Малахов, 1998. С. 47]. Групповая, национальная и т. п. идентичность определяется представителями самих этих групп или наций по отношению к себе (*самоидентификация*) или по отношению к другим (*иноидентификация*). Идентификация и самоидентификация могут формироваться двояко: 1) через установление отличия от другого (других) и 2) через установление принадлежности к чему-то более объемлющему. Но в принципе это лишь два аспекта одного и того же. Скажем, индивид определяет свою этническую идентичность через противопоставление себя представителям другого этноса, но одновременно он вместе с представителем этого другого этноса определяет свою идентичность через общую для них конфессиональную принадлежность.

В каждом социокультурном целом существует не только система разного рода идентичностей, но также и иерархия их внутри этой системы. Она может быть более и менее жесткой. Причем данная иерархия или, по крайней мере, отдельные ее составляющие, как правило, обладают ценностной атрибутикой (характеризуются разным престижем и т. д.). И каждый индивид обладает не одной, а многими идентичностями; он – *полиидентичен*. Более того, в процессе своей жизнедеятельности он может приобретать новые идентичности и утрачивать прежние или просто освобождаться от них. В связи с ценностным характером идентичностей случается, что индивид может обладать такими идентичностями, которыми он, возможно, предпочитал бы и не обладать. И тогда возможны камуфлирование ценностно негативных идентичностей или симулирование других (мимикрия под них), обладающих в данном социокультурном и

культурно-историческом контексте высоким ценностным статусом.

В. С. Малахов пишет: «Понятие “идентичность” вряд ли сделалось бы таким популярным, если бы его не снабдили предикатом “национальная”. Именно в таком сочетании оно столь часто... всплывает в отечественной журналистике» [Там же. С. 48]. Можно также упомянуть и предикат «этническая». Сказано это, разумеется, о российской журналистике, но оно применимо и ко всякой иной постсоветской журналистике. Однако понятие «идентичность» популярно не только в журналистике и не только в связи с указанным предикатом, хотя чаще всего именно с ним. Это объясняется особенностями ситуации в постсоветских национальных государствах. Все эти государства в той или иной степени оказались полиэтническими. Перед каждым этносом встала задача поиска своих корней, во многом забытых в условиях советской действительности, и установления своей идентичности, во многом нивелированной в этническом сознании навязанной идеологемой «советский народ». «Этническая идентификация, – пишут В. Г. Бабаков и В. М. Семенов, – обусловлена как личностно-психологическими связями, общей системой ценностей и т. п., так и объективно-материальными условиями жизнедеятельности индивидов, общими хозяйственно-экономическими и социально-культурными интересами. Перманентно действующие объективные и субъективные условия и факторы детерминируют глубину этнического самосознания, проявляющегося в широком диапазоне явлений: от слабо выраженного осознания принадлежности к определенному этническому коллективу, индифферентного отношения к соплеменникам до ярко проявляющихся в поведении и социально-значимых действиях этнических чувств, эмоций, стремления к групповому единству, негативному, даже враждебному отношению к другим этносам» [Бабаков, Семенов, 1996. С. 21–22].

Но этничность не исчерпывается наличием этнически определенных индивидов. Это еще и специфическая этническая культура. В этой связи этническая идентичность и идентификация есть одновременно и *этнокультурная* идентичность и идентифи-

кация. Этнический индивид является одновременно субъектом, выразителем и носителем своей этнической культуры. Если положение этносов внутри формирующейся национальной культуры как *над-этнического* феномена в той или иной степени неодинаково, неравноправно, если так называемый титульный этнос так или иначе узурпирует экономические, политические и иные привилегии, то и культура данного этноса в этих границах будет занимать привилегированное положение. А это может провоцировать разного рода рассогласования, межэтническую неприязнь, конфликтные ситуации и даже проявления скрытых или явных антагонизмов. Если это имеет место, то оно говорит лишь о том, что данная нация находится еще на близкой к начальной стадии своего формирования. В этом случае мы имеем дело с проявлениями этноцентризма.

Но всякая культура обладает сложной структурой, она многоуровневая и многомерна. Поэтому этнокультурная идентичность и ее отличие от других этнических или (и) национальных культур не являются тотальными, по всем ее структурным подразделениям, по всем уровням и измерениям. В одних подразделениях, уровнях или измерениях идентичность или отличие обнаруживаются в большей степени, а в других в меньшей. Так обстоит даже с культурами, принадлежащими к одному и тому же типу.

Сама по себе этнокультурная идентичность отдельно взятого человека, во-первых, есть лишь одна из форм его идентичности, имеющая для него различную значимость в зависимости от исторических или же временных условий; во-вторых, данная идентичность может иметь несколько уровней. В полностью сформировавшейся нации индивид позиционирует себя как представителя и субъекта *всей* национальной культуры в ее целостности. Он идентифицирует себя и свою национальную культуру по отношению к ней самбй, по отношению к другим культурам и по отношению к тому типу культуры, к которой она принадлежит. Для него эти аспекты-атрибуты идентичности могут иметь ценностную окраску. В тех же культурах, которые еще не синтезировались в общую национальную культуру, т. е. в эт-

нонациональных культурах существует, как минимум, два уровня культурной идентичности и культурной самоидентификации индивида. Во-первых, это *этнокультурная* идентичность по отношению к другим этническим культурам внутри данной этнонациональной культуры и, во-вторых, это общая этнонационально-культурная идентичность, определяемая в отношении к другим национальным или этнонациональным культурам.

Таким образом, проблема этно- или / и национально-культурной идентичности и идентификации у человека как представителя «полной» нации (каковыми являются, например, английская, французская и тому подобные нации) и у человека как представителя этнонации, т. е. *дуалистического* (в разной степени, конечно, у разных этнонаций) образования и стоит, и, естественно, решается различно. Представитель полной нации обладает одной – национально-культурной идентичностью (объективно) и одной же самоидентичностью (т. е. субъективной идентичностью). У этнонационально-культурного же человека объективно имеются две идентичности, которые могут (а в некоторых ситуациях и не могут) выступать в качестве двух самоидентичностей: человек соотносит себя: 1) в положительном плане со своим этносом (субэтносом, этнической группой – этнией, по терминологии Э. Б. Смита) и 2) в положительном или же отрицательном (в зависимости от ценностных и иных его установок) плане – с нацией, объединяющей несколько этносов. Следовательно, у него может быть две самоидентификации – этнокультурная и нациокультурная. В том случае, если он относится к нации, в которую входит его этнос, отрицательно, тогда этнокультурная идентичность и самоидентичность для него более значимы, чем национально-культурная.

Список литературы

Бабаков В. Г., Семёнов В. М. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М.: ИФРАН, 1996.

Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970. Т. 1.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1971. Т. 2.
Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1: Наука логики.

Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 78.

Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопр. философии. 1998. № 2. С. 43–54.

Новосёлов М. М. Категория тождества и ее модели // Кибернетика и диалектика. М., 1978. С. 188–198.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

Материал поступил в редколлегию 24.08.2010

M. S.-A. Shajkemelev

IDENTITY AS A CATEGORY OF SOCIAL PHILOSOPHY

Identity is analyzed as a category of social philosophy. It is shown that every sociocultural whole in addition to a system of various identities also has a hierarchy within this system. This hierarchy or, at least, its separate components possess value attributes. The author also provides a comparative analysis of ethnocultural identity and ethnic identification.

Keywords: identity, identity and distinction, national culture, ethnic identity, identification.